

© 2014 г.

**Е.Я. САТАНОВСКИЙ**

## **ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА**

Основными тенденциями развития ситуации на Ближнем и Среднем Востоке являются: нарастание нестабильности по всему региону, провал усилий Запада по взятию ситуации в регионе под контроль, а также усиление самостоятельности местных игроков, свидетельствующее о переходе от однополярного к бесполярному миру. На Ближнем и Среднем Востоке идет постепенное возвращение к геополитическому балансу доколониальной эпохи.

Нарастание нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке включает распад традиционной государственности в Магрибе, странах Африканского Рога и Машрике<sup>1</sup>, а также борьбу умеренных монархий и авторитарных светских режимов с исламистами в арабском мире и Пакистане. Региональные центры силы, в первую очередь Иран, Катар, Королевство Саудовской Аравии и Турция, конкурируют между собой в борьбе за влияние.

Ухудшается, вплоть до геноцида этноконфессиональных групп в зонах конфликтов, положение меньшинств. Подъем племенного фактора дестабилизирует не только Ближний и Средний Восток, но и его африканскую и центральноазиатскую периферию. Нестабильность охватывает и западные страны, в первую очередь европейские, с крупными ближневосточными диаспорами.

Процесс этот имеет объективные причины, развивается в соответствии с характерными для событий такого масштаба закономерностями и обещает быть достаточно длительным. История европейских революций позволяет предположить, что он займет не менее трех поколений. Глобализационные процессы и интегрированность современного Ближнего и Среднего Востока в общемировую систему облегчают распространение ближневосточной нестабильности за пределы региона.

Попытки поставить под прямой контроль западного сообщества процессы, идущие на Ближнем и Среднем Востоке, окончились провалом. Это касается как Афганистана и Ирака, вывод откуда вооруженных сил, возглавляемой США военной коалиции в 2014 г. будет завершен, так и стран “арабской весны”, где НАТО использовали в собственных целях Доху, Эр-Рияд и Анкару. Как выяснилось, современные западные армии могут разгромить любого регионального противника в исламском мире и уничтожить государственные институты в атакуемых ими странах, но не в состоянии длительное время поддерживать контроль над значительными территориями Ближнего и Среднего Востока.

Единственными боеспособными подразделениями в операциях на Ближнем и Среднем Востоке оказались представители так называемого “англосаксонского спецназа”:

---

*Сатановский Евгений Янович* – президент Института Ближнего Востока.

<sup>1</sup> В настоящее время термин Машрик используется в качестве собирательного обозначения Ирака, Сирии, Иордании, Палестины и Ливана.

части специального назначения из США, Великобритании, Канады и Новой Зеландии. Эффективность в борьбе с террористами беспилотных летательных аппаратов контрастирует с провалами западных спецслужб в работе с местной агентурой и населением в целом, а также успешным использованием террористическими группировками диверсионно-партизанской тактики деятельности, ракет и минной войны.

Координация действий НАТО, как показала война в Ливии, чрезмерно усложнена. В условиях Ближнего и Среднего Востока использование дорогостоящего высокоточного оружия в горно-пустынной местности против разрозненных легковооруженных формирований и ополчений племен затратно и малоэффективно. Исламистские военно-террористические группировки учли это, освоив на практике методы ведения войны с западными вооруженными силами. Сохраняя подавляющее преимущество в живой силе и технике, те не могут победить их в условиях повышенной чувствительности западного общества к людским потерям. Отказ западных армий от тактики выжженной земли, единственно пригодной для успешной борьбы с партизанами, а также распространение современных видов вооружений, транспорта и средств связи во внесударственных структурах, позволяет последним захватывать обширные регионы Ближнего и Среднего Востока, где более не действуют местные диктатуры, свергнутые Западом или при поддержке Запада во имя идей демократизации.

Ставленники Вашингтона и Брюсселя в Кабуле и Багдаде оказались не только склонны к сотрудничеству с антизападными силами, включая Иран и радикальные исламистские группировки, но и коррумпированы и практически неподконтрольны своим внешним патронам. Афганистан за время западной оккупации превратился в наркопроизводящее государство мирового масштаба: более 95% героина планеты производится в настоящее время в этой стране местными наркобаронами, тесно связанными с официальным Кабулом.

Опора США и Европейского Союза (ЕС) на так называемых “умеренных” исламистов из числа “Братьев-мусульман”, патронируемых Катаром и Турцией, а также на салафитские группировки, поддерживаемые Саудовской Аравией, привела к дестабилизации региона и не дала никакого выигрыша Западу. В Тунисе и Арабской Республике Египет “Ан-Нахда” и “Братья-мусульмане” потеряли контроль над правительствами. Салафиты вступили в жесткое противостояние с “Братьями-мусульманами”, отражающее соперничество Саудовской Аравии с Катаром. Военный переворот, произошедший в Египте в июле 2013 г., вернул власть в руки армейского руководства, поддерживаемого светскими политическими силами, хотя и стал прологом гражданской войны, которая скорее всего будет подобна той, которая шла в Алжире в 1991 – 1999 гг.

Провал Запада на Ближнем и Среднем Востоке усилил местных игроков из числа исламистов, значительно ослабив светские прозападные силы. Характерно, что требования демократизации власти со стороны Запада, в первую очередь США, спровоцировав свержение армейских хунт, привели в правительства стран Ближнего и Среднего Востока не представителей меньшинств, либеральных, молодежных и женских движений, а антизападных исламистов. В Афганистане исламисты де-факто остались у власти, которая после вывода оттуда американских войск в 2014 г. неизбежно в полном объеме вернется к талибам.

Падение авторитарных милитаристских режимов в Ираке, Тунисе, Ливии, Египте и Йемене, а также ослабление их в Сирии и Пакистане расчистило поле деятельности для террористических группировок, исламских политических партий и их патронов: Ирана, Катара, Королевства Саудовской Аравии и Турции. Осознание этого западным политическим руководством, военно-разведывательным сообществом и экспертами не произошло, анализ причин произошедшего не проведен и даже в случае проведения вряд ли окажется объективным.

В Турции исламисты пришли к власти парламентским путем, опираясь на лозунги демократии, прогресса и борьбы с коррупцией, и, в конечном счете, оттеснив с командных позиций и нейтрализовав армию. Борьба светских турецких политических групп и партий с исламистами развернулась, начиная с конфликта вокруг стамбульского парка

Гези летом 2013 г. и активизировалась с началом конфликта премьер-министра Р.Т. Эрдогана с его недавним союзником, лидером движения “Нур” Ф. Гюленом в начале 2014 г.

На протяжении длительного периода считалось, что однополярный мир эпохи, после распада СССР и окончания “холодной войны”, сменится многополярным. Гегемонию США, по мнению сторонников этой теории, должна была сменить согласованная политика ряда крупнейших игроков, в числе которых им виделись Индия, Китай и другие государства, не являющиеся членами НАТО. Однополярный мир оказался не прочнее и не безопаснее двухполярного. Однако система, которая его заменит, скорее всего, будет напоминать не многополярный, а бесполярный мир.

Конфликтующих между собой игроков, пытающихся отстаивать свои интересы, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, много. Но согласование и тем более проведение ими в жизнь последовательной политики нереально. Скорее речь идет о возвращении к геополитическому балансу доколониальной эпохи, когда вес и значение Японии, Индии, Китая, Турции, Персии, Кореи и России были несопоставимы с тем, который эти страны имели в XX столетии. Это же касается США и европейских государств.

Кто-то из традиционных участников “Большой игры” ослабевает. Кто-то усиливается. Появились новые игроки, вроде Канады, стран Латинской Америки или Южной Африканской Республики. Некоторые из “фигур” сами превратились в активных игроков. Однако в целом то, что происходит в регионе, включая возвращение арабского мира в состояние присущей ему на протяжении веков анархии племен, религиозных меньшинств и исламских орденов, лишь подтверждает всеобъемлющий характер происходящего.

Это касается и характерной для “арабской весны” роли западных государств в качестве участников интриги местных феодальных игроков, характерной для Индии времен Ост-Индийских компаний. В XVII–XVIII вв. британские или французские отряды наемников местных раджей и навабов были стандартом восточной политики. В начале XXI в. в свержении М. Каддафи в Ливии и попытке свержения Б. Асада в Сирии эту роль играли Франция, Великобритания и другие страны НАТО как таковые.

### **ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ИГРОКИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И ИХ ИНТЕРЕСЫ**

Основные внешние игроки, влияющие или пытающиеся влиять на процессы, идущие на Ближнем и Среднем Востоке – это США, страны ЕС и НАТО – как военный блок – во-первых; Китай, Япония, Южная Корея и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Индия, Бразилия, Венесуэла и другие страны Латинской Америки – во-вторых; Россия и другие постсоветские страны – в-третьих. И структура, на которую региональные игроки влияют значительно сильнее, чем она на регион – ООН.

США, несмотря на некоторое ослабление их позиции – ключевой внешний игрок на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в военной и военно-технической сфере. Только американская армия может свергнуть любое правительство региона и оккупировать любую его страну. Хотя США не способны сделать оккупационный режим эффективным и поддерживать его длительное время. Единственный из крупных региональных игроков, независимый от США – Иран.

Разработка залежей сланцевого газа и нефти призвана свести зависимость США от ближневосточных энергоносителей к нулю к 20 годам текущего столетия, что развяжет Вашингтону руки в случае региональных конфликтов, позволив руководствоваться только собственными долгосрочными интересами. Администрация Обамы балансирует между Турцией, арабским миром и Израилем, нащупывает возможность наладить отношения с Ираном и пытается свернуть военное присутствие на Ближнем и Среднем Востоке и отказаться от обязательств перед традиционными союзниками, сохраняя при этом влияние в регионе, чтобы развязать себе руки в надвигающемся противостоянии с КНР.

Среди европейских государств на Ближнем и Среднем Востоке выделяются бывшие колониальные державы: Великобритания и Франция, а в экономической сфере – Германия. Такие союзники США, как Саудовская Аравия, компенсируют охлаждение отношений с Вашингтоном за счет их укрепления со странами ЕС, в данном случае с Францией, которую Эр-Рияд буквально перекупил у Катар, поддерживавшего прочные отношения с администрацией Н. Саркози и при президенте Ф. Олланде. Активная роль Лондона и Парижа в событиях “арабской весны” в Ливии и Сирии, спровоцирована Дохой и Эр-Риядом, ландскнехтами которых фактически выступили европейские члены НАТО.

Роль азиатских и латиноамериканских игроков сводится преимущественно к покупке углеводородов, инвестициям и технологическому обмену. Китай, оперирующий, исходя из долгосрочной стратегии своего экономического развития, является крупнейшим внешним игроком в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, конкурируя с США и ЕС.

Китайские военные присутствуют в Судане, Афганистане и других государствах Ближнего и Среднего Востока, где КНР развивает крупные инфраструктурные и сырьевые проекты. Однако конкуренции Западу военное присутствие стран этой группы в регионе не составляет, хотя успехи КНР в военно-техническом сотрудничестве с Пакистаном, Турцией и странами арабского мира являются раздражающим фактором для западных корпораций и правительств.

В то же время первая военная база Японии за ее пределами, построенная в Джибути для борьбы с сомалийскими пиратами, открыла новую страницу в военной истории этой страны.

Россия и другие постсоветские государства (в первую очередь Украина и Белоруссия) являются поставщиками современных вооружений и военной техники на Ближнем и Среднем Востоке, которые могут конкурировать с лучшими западными образцами, хотя новейшие системы не экспортируются ни Западом, ни РФ. Единственное государство региона, с которым Россия имеет значительный торговый оборот, является Турция.

Москва поддерживает прочные отношения с Иерусалимом, Тегераном, светскими арабскими автократиями и умеренными монархиями, противостоя экспорт из региона политического ислама и терроризма. Особую роль Россия играет в развитии в регионе ядерной энергетики, завершив АЭС “Бушер” в Иране и приступив к постройке АЭС “Аккую” в Турции.

Статус члена Совета Безопасности ООН позволил РФ в альянсе с КНР предотвратить интервенцию в Сирию, добившись согласия Дамаска на ликвидацию химического оружия под эгидой ООН. Это дипломатическое достижение не разблокировало противостояние Ирана и Саудовской Аравии, одним из главных плацдармов которого является Сирия с ее гражданской войной, и интенсифицировало антироссийскую деятельность саудовских спецслужб и патронируемых ими террористов на территории РФ, однако на Ближнем и Среднем Востоке усилило российские позиции.

Основные внутренние центры силы Ближнего и Среднего Востока, влияние которых так или иначе ощущается во всем регионе – Турция, Иран, Израиль, Саудовская Аравия, Катар и Пакистан – в связи с его влиянием на ситуацию в Афганистане, союзом с аравийскими монархиями и ядерным потенциалом. Все прочие, вне зависимости от их экономического, военного или демографического веса, занимаются собственными проблемами и их интересы ограничены ближней периферией.

При этом подавляющая часть альянсов на Ближнем и Среднем Востоке – временная. Союзы распадаются и переформируются в зависимости от текущей ситуации. Постоянными являются только интересы и конфликты интересов.

Так, в начале 2014 г. Катар практически заморозил свое участие в антисирийском альянсе, переключившись на защиту интересов патронируемых им исламистов в Тунисе и Египте, в союзе с Турцией. Обострение его отношений с Саудовской Аравией привело к временному альянсу с Ираном, соперничеству в Ливии и Афганистане, где Доха

наладила диалог с движением “Талибан”, а также к ослаблению отношений с Францией и их усилению с США.

Саудовская Аравия, отношения которой с Исламской Республикой Иран обострились, с Францией укрепились, а с США пережили серьезное охлаждение, наладила неформальный канал связи с Израилем, направленный против Ирана. Одновременно салафитская монархия поддержала военный переворот в Египте, вернувший армии и светским политикам власть в Каире за счет свергнутых “Братьев-мусульман” – креатуры Катар.

Исламизируемая собственным политическим руководством Турция де-факто разорвала стратегическое партнерство с Израилем. Однако вынужденно увеличила с ним в разы торговый оборот, поскольку гражданская война в Сирии отрезала ее от арабских рынков. В то же время ее отношения с соседними странами обострились. Вместо выполнения декларируемой МИД Турции доктрины “ноль проблем с соседями” Анкара, взявшая к началу “арабской весны” курс на создание безвизовой зоны и зоны свободной торговли с Ливией и Сирией, приняла участие в войне против Каддафи и попытке свергнуть Асада.

Единственный устойчивый альянс на Ближнем и Среднем Востоке – пакистано-саудовский, завязанный как на финансирование стратегических программ развития Исламской Республики Пакистан со стороны Саудовской Аравии, в том числе ядерной программы, так и на совместную поддержку спецслужбами Саудовской Аравии и Пакистана афганских исламистов, в первую очередь талибов.

Израиль в свою очередь поддерживает дипломатический диалог с Иорданией, Египтом и, по возможности, Турцией, одновременно в закрытом режиме развивая неформальные отношения со многими государствами региона, включая Объединенные Арабские Эмираты, Марокко, Оман и другие страны.

## **РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Основные региональные конфликты к началу 2014 г. идут в азиатской части Ближнего и Среднего Востока в афгано-пакистанской зоне (так называемой Аф-Паке), Ираке, Сирии, Ливане и Йемене, где идут гражданские войны разной интенсивности, а также борьба между палестинскими политическими группировками. На африканской части Ближнего и Среднего Востока гражданская война начинается в Египте, идет в Сомали, Судане и Ливии. Тунис балансирует на грани гражданской войны. В Алжире получило новый импульс противостояние арабов и берберов. В Сахеле борются за контроль над территориями и ресурсами исламисты, туареги-сепаратисты, местные правительственные армии, экспедиционный корпус Франции и поддерживающие его силы Афросоюза.

Глобальное значение имеет противостояние шиитов и суннитов, радикальная исламизация Ближнего и Среднего Востока, конфликты “Братьев-мусульман” с салафитами, а исламистов всех типов со светским населением и христианами, переходящие в противостояние исламистов со всем неисламским миром, в том числе за пределами региона. На этом фоне наименее острым представляется хронический конфликт исламских стран и палестинцев с Израилем, вопреки повышенному вниманию к этой теме мирового сообщества и ООН.

Характерным следствием нарастания дестабилизации Ближнего и Среднего Востока является проблема беженцев и перемещенных лиц. Афганистан, Ирак, Сирия, Сомали, Эритрея и Судан, а также граничащие со странами региона Южный Судан, Центральноафриканская Республика, Мали и Чад являются наиболее проблемными зонами в этом вопросе. Число беженцев и перемещенных лиц каждой из этих стран составляет миллионы. Подсчет их числа ведется приблизительно.

Учет беженцев и перемещенных лиц политизирован. В отношении палестинских беженцев, которыми занимается особое агентство ООН – UNRWA (Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам), точность доведена до единиц,



причем число их за время его существования увеличилось на порядок, так как в данном и только данном случае беженцами считаются потомки изначальных беженцев во всех поколениях. Сотни тысяч, а иногда и миллионы беженцев и перемещенных лиц, как в Ираке, где их проблема является следствием военной операции США по свержению режима, не учитываются и не регистрируются.

Существенной является проблема вторичных беженцев (иракцы и палестинцы в Сирии), а также транзита беженцев и перемещенных лиц, в первую очередь из транс-сахарской Африки, Сахеля, Магриба и Машрика в Европу. Падение авторитарных режимов Ливии и Туниса и участие Турции в гражданской войне в Сирии расширило нелегальную миграцию с Ближнего и Среднего Востока в страны ЕС, осложняя их экономическое положение и ослабляя систему безопасности.

Основные маршруты исхода беженцев и перемещенных лиц: через Средиземное море (на Иберийский полуостров и в Италию) и Турцию (в Грецию и на Балканы). Интеграция беженцев и перемещенных лиц из Африки и стран Ближнего и Среднего Востока в Европе, вследствие реализуемой с 70-х годов прошлого века социальной политики левых и центристских европейских правительств, осложнена. Беженцы и перемещенные лица из этих регионов не только превращают места своего расселения в люмпенизированные криминальные гетто, но и способствуют радикальной исламизации Европы и, как следствие, росту ксенофобии и популярности крайне правых партий у коренного европейского населения.

Лагерь беженцев на Ближнем и Среднем Востоке и соседних с регионом государствах являются центрами радикализма. Контроль их территории и выделяемой беженцам международной помощи осуществляют криминальные и террористические группировки. Отношения с коренным населением принимающих стран балансируют на грани войны. Расположение крупных лагерей беженцев и перемещенных лиц на окраинах столиц облегчает их использование для организации атак на расположенные в центральных районах правительственные кварталы в ходе гражданской войны (лагерь палестинских беженцев Ярмук в Дамаске в 2011–2014 гг.) или терактов (лагерь сомалийских беженцев Дадааб в Найроби в 2014 г.).

Помощь беженцам и перемещенным лицам оказывается неравномерно, недостаточно и характеризуется практикой двойных стандартов. Существуют две группы: беженцы первого сорта (палестинцы) и все прочие. Они считаются беженцами только в первом поколении, число их на порядок больше и занимается ими Верховный комиссариат по делам беженцев. Бюджеты обеих агентств ООН сопоставимы. На Ближнем и Среднем Востоке и по границам региона проблема беженцев и перемещенных лиц обостряется, объем выделяемых для ее решения средств ничтожно мал по сравнению с минимально необходимой величиной, расходование не выдерживает критики. Ряд регионов и стран в связи с военными действиями на их территории выпал из системы поддержки беженцев и перемещенных лиц.

Миротворческие миссии ООН на Ближнем и Среднем Востоке неэффективны. Это же характеризует и систему ООН в целом. Невыполнение миротворцами своих функций в Судане, Ливане и других странах Ближнего и Среднего Востока под предлогом недостаточного мандата, неспособность международного сообщества пресечь геноцид в отношении меньшинств и остановить религиозные войны демонстрирует, что в отсутствие готовых на прямое военное вмешательство сверхдержав эта система недееспособна.

Деятельность, разворачиваемая ООН по принципу наименьшего сопротивления и минимальных рисков, привела к вопиющей заикленности этой организации на Израиле и его отношениях с палестинцами, при явной односторонности подхода международного сообщества в пользу лидеров палестинских военно-террористических организаций и анклавов, которые они контролируют в Газе и на Западном берегу.

В ходе “арабской весны” выявилась роль ООН как инструмента политических манипуляций арабских монархий и поддерживающего их западного блока по переформатированию Ближнего и Среднего Востока в пользу исламистов, что проявилось в

2012–2013 гг. в Ливии и Сирии. Срыв усилий по организации интервенции против правительства Асада под эгидой ООН привел к требованиям со стороны Саудовской Аравии, при поддержке Франции и Великобритании, реформировать эту организацию.

Пока ООН занята давлением на Израиль, декларативными заявлениями и реализацией не имеющих под собой основу проектов, основанных на устаревших политических теориях, вроде создания палестинского государства, на Ближнем и Среднем Востоке совершаются преступления против человечности, приближающиеся по масштабам к событиям, происходившим в Европе в ходе Второй мировой войны.

Это же касается формально не существующей более работорговли (в Мавритании, Судане, Саудовской Аравии) и других преступлений против личности, которые “не замечаются” мировым сообществом, либо отмечаются им вскользь, без действенных мер по их пресечению.

Фактически ООН на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке недееспособна и зачастую просто игнорируется лидерами местных государств. Вооруженные нападения боевиков на миротворцев ООН и отсутствие инструментов, которые могли бы позволить мировому сообществу призвать к ответу виновных даже в таких преступлениях, как геноцид, как это было в Судане с его президентом Омаром аль-Баширом, хотя соответствующее решение было и принято международными структурами, подчеркивает это.

### **ИМПЕРСКИЕ ПРОЕКТЫ КЛЮЧЕВЫХ ИГРОКОВ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Ренессанс политического ислама на Ближнем и Среднем Востоке в трех его основных конфликтующих формах: двух суннитских (салафитский проект Саудовской Аравии и глобальное движение “Братьев-мусульман” Турции и Катар) и шиитской (поддерживаемой Ираном) проявляется и за границами региона, а также на его периферии. Наиболее острые конфликты местных правительств и неисламского населения с исламистами идут в Аф-Паке, арабских странах со значительной долей этноконфессиональных меньшинств и светского населения, а также в Африке, Индии и странах АТР. Значительное дестабилизирующее влияние исламские центры Ближнего и Среднего Востока оказывают на мусульманские общины Запада, мусульманское население России и других постсоветских республик.

Распространение влияния основных силовых и финансовых центров в регионе Ближнего и Среднего Востока и за его пределами можно рассматривать в рамках реализации четырех взаимопересекающихся проектов. Условно их можно обозначить как новая Оттоманская Порта (турецкий), новая Персидская империя (иранский) и новый Халифат (арабский, с внутренней конкуренцией ваххабитского тандема – Катар и Саудовской Аравии). Израиль, как региональная военно-экономическая сверхдержава ограничивается на Ближнем и Среднем Востоке защитой своих границ и обеспечением собственной безопасности.

Турция и Катар избегают столкновения с Ираном, поддерживая с ним отношения на уровне, достаточном для того, чтобы основной конфликтный потенциал Ближнего и Среднего Востока составляло ирано-саудовское соперничество. Столкновение амбиций Катар и Саудовской Аравии развивается “по доверенности”, поддерживающими их группировками в Ливии, Египте, Сирии и других странах арабского мира, а также в рамках конкуренции в Африке, Центральной Азии и на Западе. Необъявленную войну с Израилем Иран ведет через проиранские движения в Южном Ливане и Газе, а до начала гражданской войны в Сирии вел с использованием ее ресурсов.

В отличие от Ирана, Саудовской Аравии и Катар, руководство Турции вынуждено вести постоянную борьбу со светским населением и оппозицией за исламизацию общественно-политической жизни в стране, одновременно маневрируя между враждующими течениями исламистов в Партии справедливости и развития (ПСР) – правящей партии Турции. Поиск опоры в парламенте вызвал сближение премьер-министра Эрдогана с курдскими партиями, что обострило его противостояние с националистами, но

не завершило турецко-курдское противостояние как таковое. Единственный вопрос, по которому правящая партия и оппозиция придерживаются единой позиции – оккупация турецкого северного Кипра. Проблема воссоединения острова Кипр находится в таком же тупике, как и вопрос о приеме Турции в ЕС.

Во внешней политике Турция эксплуатирует исламский фактор наравне со всеми своими конкурентами, и продвигает особые отношения с государствами тюркского мира как “старший брат” – “ага бейлик”. Иран делает то же в ограниченном Афганистане и Таджикистане ираноязычным ареале. Саудовская Аравия и Катар это делают в арабском мире. Саудовская Аравия использует единственный в своем роде фактор хаджа, привлекающего на ее территорию ежегодно около 3 млн. верующих мусульман со всего мира.

“Арабская весна” стала возможной во многом вследствие отсутствия в странах Ближнего и Среднего Востока, где она произошла, социально-политических лифтов, консервации правящей элиты и разрыва между поколениями. Свергнутые лидеры правили по 30 – 40 лет, управляемые ими режимы были коррумпированными и их поддержка со стороны населения – минимальна. В то же время проблема передачи верховной власти существует и в арабских монархиях, в первую очередь Саудовской Аравии и Омане. Ключевым государством Ближнего и Среднего Востока и арабского мира, как его составной части, является Саудовская Аравия, которой руководят представители поколения 80 – 90-летних детей основателя государства.

Весьма вероятно широкое распространение аналогичных “арабской весне” процессов за пределы Ближнего и Среднего Востока, в том числе в Африку и Центральную Азию, с участием тех же игроков: Катара, Саудовской Аравии и Турции. Проблемы передачи верховной власти престарелыми правителями и радикальное исламистское подполье существуют не только на Ближнем и Среднем Востоке.

Признаками “африканской весны” стали события в Мали, Центральноафриканской республике, Нигерии, Кении и других странах континента, до ЮАР включительно, где идет исламизация и действуют радикальные террористические группировки. “Аш-Шабаб” и “Боко-Харам”, “Движение за единство и джихад Западной Африки” (ДЗЕДЗА) и “Аль-Каида в странах исламского Магриба”, а также другие интернациональные, локальные и региональные группировки дестабилизировали ряд африканских государств, поставив некоторые из них на грань выживания.

Конкуренция между государствами-спонсорами исламистов, в первую очередь Саудовской Аравией и Катаром (примером которой является Эфиопия), военное присутствие в Африке США и европейских держав, а также сопротивление, которое оказывают исламистам воинский контингент Афросоюза – АМИСОМ (миротворческая региональная миссия в Сомали), региональные африканские межгосударственные объединения и национальные армии (там, где они сохраняют дееспособность) позволяют приостановить распад африканской государственности и радикализацию местных племен.

Причем племенной фактор, ключевой в Африке, в полной мере возродился на Ближнем и Среднем Востоке. Деграция и ослабление государственности в регионе, спровоцировавшая уничтожение и вытеснение радикальными исламистами меньшинств, вывела на первые роли в ряде его государств (Ливия, Судан, Сомали, Йемен, Афганистан) фактор племен и кланов, без учета которого рассматривать происходящие там процессы бессмысленно. Это не касается лишь стран, где государственные институты имеют многовековую историю и не основаны на межплеменном балансе (Иран, Турция и Израиль), либо сохранена или восстановлена государственнообразующая роль армии (Египет и частично – Алжир).

Начало “центральноазиатской весны” предположительно спровоцирует вывод войск США из Афганистана в 2014 г. Захват талибами исходных позиций в пуштунских регионах этой страны неизбежно приведет к вытеснению ими на север исламистов из числа базирующихся в Афганистане центральноазиатских и российских боевиков Исламского движения Узбекистана, джамаата “Уйгур-Булгар” и других движений. Через нестабильный исламизированный Таджикистан, Киргизию с ее кланами наркоторгов-



цев и контрабандистов, а также напрямую исламисты атакуют авторитарные Туркменистан и Узбекистан, что создаст существенную опасность для Казахстана и России.

Развитие событий в регионе к началу 2014 г. позволяет предположить приближение большой региональной войны с участием Ирана и Саудовской Аравии. Столкновение интересов этих стран в Йемене, Сирии, Ливане, Ираке, на Бахрейне и во всех регионах, где салафиты воюют с шиитами и притесняют шиитские общины, делает ее неизбежной.

Саудовская Аравия заинтересована в провоцировании опережающего ее столкновения с Ираном ирано-израильского конфликта. Иерусалим и Тегеран избегают его, поскольку не имеют причин для противостояния, за исключением антиизраильской активности Исламской Республики Иран, имеющей не прагматическую, а идеологическую подоплеку.

Подготовка противостоящих сторон к большой войне и неизбежные на Ближнем и Среднем Востоке малые региональные войны провоцирует региональную гонку вооружений. В случае получения Ираном атомного оружия, вероятность чего в 2014 г. высока, либо пересечения черты невозврата, после чего изготовить А-бомбу можно будет за весьма короткое время, в регионе вероятно начнется гонка ядерных вооружений.

Объективная необходимость для Ирана получения ядерных арсеналов вытекает из хода событий в регионе и за его пределами, связанных с режимом нераспространения оружия массового поражения на протяжении 2000-х годов. В Ираке Саддам Хусейн не имел ядерного оружия. Его страна была разгромлена, а сам он казнен.

Муамар Каддафи отказался от ядерной программы, договорился с США о примирении, перестал поддерживать международный терроризм и дал информацию, позволившую разоблачить “заговор Абдул-Кадыр Хана”, по каналам которого шло распространение пакистанских ядерных технологий и оборудования, в том числе в Иран. Запад, договорившись с Саудовской Аравией и Катаром, отказался от всех договоренностей с Каддафи, его страна была разгромлена, а он подвергся суду Линча.

Северная Корея, режим которой по всем параметрам внутренней политики не идет ни в какое сравнение с Ираком и Ливией по жесткости, в нарушение Договора о нераспространении ядерного оружия овладела ядерными технологиями, приобрела ракетные технологии и обладает одним или двумя ядерными зарядами. Как следствие, наследственная диктатура Кимов получила индульгенцию и в ее дела мировое сообщество не вмешивается, ограничиваясь обещаниями защиты Южной Кореи в случае конфликта между ними.

Выводы, касающиеся того, что только наличие у Ирана ядерного оружия гарантирует его безопасность, напрашиваются. Дипломатический диалог руководства этой страны с мировым сообществом, окончившийся Женевскими соглашениями, позволил ей выиграть время, наладить контакты с США и избежать военного удара по ядерным объектам. Однако появление у Ирана атомной бомбы означает для Саудовской Аравии необходимость овладения этим типом оружия, которое имеется у Пакистана.

Каким именно образом часть пакистанских ядерных арсеналов окажется в саудовском распоряжении – неважно. Развитие событий по этому сценарию означает конец режима нераспространения как такового, так как пороговые страны, а также государства региона, конкурирующие за влияние на Ближнем и Среднем Востоке или в какой-то его части (в том числе Турция, Египет, Алжир и Марокко) неизбежно вступят в борьбу за скорейшее овладение ядерными технологиями.

Взгляд консервативной военно-политической элиты Тегерана на проблему атомного оружия с религиозной точки зрения, делает такой сценарий единственно возможным. С этой точки зрения, к концу XX в. все основные мировые конфессии и субконфессии, кроме шиитов, имели ядерные арсеналы. Это касается суннитов (Пакистан), индуистов (Индия), буддистов (КНР и Северная Корея), католиков (Франция), протестантов (США и Великобритания), православных (Россия) и евреев (Израиль). Вопрос, “почему бомбу нельзя иметь только шиитам” в этой ситуации становится риторическим, хотя мировое политико-дипломатическое сообщество за отсутствием альтернатив уповает на достигнутые с Ираном договоренности по иранской ядерной программе как на первый шаг к ее полному замораживанию.

## ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Процессы, идущие на Ближнем и Среднем Востоке в политической, военно-политической и конфессиональной сферах во многом зависят от демографии и экологии региона. Неконтролируемый рост населения в Сомали, Судане, Йемене и Афганистане, относящимся к беднейшим странам региона, автоматически ведет к снижению уровня и ухудшению качества жизни, росту внутреннего насилия в борьбе за территорию и природные ресурсы, массовой миграции за пределы региона.

Высокий уровень молодежной безработицы превратил Ближний и Средний Восток в идеальный плацдарм для революционных событий “арабской весны”. Широкое распространение информационных технологий и образования, появление значительного числа представителей среднего класса, неудовлетворенных своими возможностями и претендующих на участие во власти обеспечило базу для формирования массовых исламистских партий и террористических организаций.

Значительная часть проблем Ближнего и Среднего Востока в сфере природопользования также объясняется человеческим фактором. Это масштабная неконтролируемая урбанизация, уничтожение биоразнообразия природной среды, деградация почв, загрязнение водных артерий и подпочвенных вод, заиливание водохранилищ, вырубка лесов, сведение растительного покрова и его естественное следствие – опустынивание. Следствием расширения Сахары в частности является конфликт скотоводов и оседлого населения в Сахеле, особенно острый в Судане (геноцид в Дарфуре).

Проблема ресурсов включает недостаток пахотных земель и пастбищ, уничтожаемых выпасом наиболее распространенного в регионе малопродуктивного мелкого рогатого скота, но в первую очередь проблему воды. Загрязнение промышленными, бытовыми и сельскохозяйственными стоками, засоление прибрежных зон характерно даже для таких крупных артерий, как Нил и Евфрат. Особую проблему представляют гидроузлы на трансграничных реках.

Конфликты между Турцией, Сирией и Ираком из-за дележа стока Тигра и Евфрата, или Египтом и Суданом с одной стороны и государствами верховьев Нила, в первую очередь Эфиопией, представляют классический пример проблемы, не имеющей решения. Каскад “Возрождение”, который Аддис-Абеба начала строить на Голубом Ниле в 2013 г. и завершит в 2017 г. в течение шести лет заполнения четырехуровневых водохранилища снизит сток Нила в Египте на треть и объем вырабатываемой электроэнергии на 40%.

Для Каира это означает неизбежный коллапс египетской экономики и острый дефицит питьевой воды. Причем речь идет только о первой крупной плотине за пределами Египта. Прочие страны верховьев Нила готовятся к реализации не менее масштабных проектов. Военного или политического решения эта проблема не имеет.

Разрушение плотины сформирует цунами, которое смое населенные пункты Судана и Египта, расположенные в долине Нила вплоть до дельты, т.е. практически уничтожит эти государства. Отказаться от строительства Эфиопия и прочие государства верховьев не могут: это увековечит их экономическую отсталость. Повлиять на Китай, который на начало 2014 г. является основным подрядчиком строительства, также невозможно.

“Война за воду” проиграна Египтом еще до ее начала, хотя Судан египетские водные проблемы затронут не столь сильно. В Двуречье ситуация также не так тяжела. Конфликт Израиля с палестинцами из-за загрязнения и чрезмерной эксплуатации ими водных источников может быть решен с применением современных технологий, хотя только под жестким внешним контролем. Однако в Йемене вопрос катастрофического снижения водных ресурсов, особенно по сравнению с соседней Саудовской Аравией, имеющей значительные запасы подземных вод, стоит более чем серьезно. Возможно, именно между Эр-Риядом и Саной вскоре произойдет первая на Ближнем и Среднем Востоке водная война.

Проблемы производства наркотиков и экспорта из региона терроризма имеют мировое значение. Ближний и Средний Восток поставляет на мировые рынки практически

весь героин, значительные объемы других опиатов, а также каннабис. Регионы выращивания природного сырья, зоны производства наркотиков, пути распространения и рынки сбыта известны. Однако менее 5% экспортируемых из региона наркотиков удается конфисковать на российской границе, около 10% на границе Ирана и Афганистана.

Главными потребителями ближневосточных наркотиков являются страны Европы, РФ и другие постсоветские республики, а также собственно ближневосточные потребители. Это определяет пассивную позицию по отношению к наркопроизводителям Афганистана, Турции, Марокко и других стран со стороны Соединенных Штатов, воздерживающихся от проведения в регионе активных операций, в отличие от Латинской Америки, продукция наркокартелей которой идет в США.

Значительная часть политической элиты, племен и исламистских военизированных группировок Ближнего и Среднего Востока имеет долю в наркобизнесе, а в некоторых районах и таких странах, как Афганистан, он является основой экономики. Силовое искоренение наркопроизводства в регионе требует проведения военных операций на обширных территориях, с применением дефолиантов, на которые мировое сообщество не готово. Попытки переориентировать производителей на добровольную замену ими опиумного мака и каннабиса обычными сельскохозяйственными культурами не имеют под собой экономической основы и изначально обречены.

Терроризм – региональный и международный – стал характерной частью военно-политической культуры Ближнего и Среднего Востока. Именно через террористические группировки государства региона – Саудовская Аравия, Катар, Иран и Пакистан, претендующие на реализацию своих амбиций за пределами собственных границ, добиваются поставленных целей, борются с противниками и конкурентами, не вступая в широкомасштабные войны. Используя террористические и военно-террористические движения, они пытаются влиять на внешний мир и подталкивать к тем или иным действиям страны, слишком могущественные для того, чтобы реагировать на другие инструменты, имеющиеся в их арсенале, и слишком богатые, чтобы их купить, – в первую очередь США, Россию и страны Западной Европы.

Основные военно-политические группировки, задействованные в террористической деятельности, делятся на шиитские и суннитские. Суннитские – на салафитские, близкие к “Аль-Каиде” и “умеренные”, к которым относятся ХАМАС и другие группы “Братьев-мусульман”.

Шиитские движения, наиболее известными из которых являются ливанская Хизболла и иракская “Армия Махди” поддерживаются и готовятся Ираном, точнее руководством Корпуса стражей исламской революции, который не управляет ими, но координирует их деятельность, в том числе в Сирии.

Салафитские группы, в том числе действующие в России и Центральной Азии, снабжаются, тренируются и координируются Управлением общей разведки Саудовской Аравии под руководством принца Бандара бин Султана – основного мотора сирийской гражданской войны, при участии “в поле” офицеров саудовского спецназа. Подразделения “Братьев-мусульман” патронируются Катаром, при участии катарского спецназа, задействованного, в частности в Ливии в ходе свержения Каддафи, а на территории Турции ее спецслужбой MIT.

Основным полем боя шиитских и салафитских группировок на начало 2014 г. была Сирия. Одновременно там, а также в Ливии шли масштабные военные действия между конкурирующими суннитскими группами. В Сирии это косвенно помогло центральному правительству, однако конфликт между суннитами и шиитами распространился из этой страны на Ливан и Ирак, угрожая перерасти в большую региональную войну Саудовской Аравии и Ирана.

Исламистский терроризм за пределами Ближнего и Среднего Востока характерен не только для его периферии, но и для самых отдаленных регионов мира, в первую очередь ЕС и США. Наличие среди боевиков, воюющих в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии большого числа американцев и европейцев, представляет серьезную угрозу безопасности Запада после их возвращения в страны, гражданами которых они являются.

Это же верно в отношении исламистских движений Магриба, Сахеля и Африканского Рога, среди которых выходцев из стран ЕС и США также достаточно.

Помимо прочего, деятельность военно-политических и террористических группировок и военные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке осложняют добычу и транспортировку из региона ресурсов, имеющих жизненно важное значение для мировой экономики. Это углеводороды: нефть и природный газ (сжиженный, из Катара), а также необходимый для АЭС, в первую очередь французских, уран (из стран Сахеля).

Наиболее уязвимыми в этой связи являются региональные трубопроводы, портовые терминалы и комплексы по производству сжиженного газа, нефтехимические и нефтеперерабатывающие заводы, а также Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы и Суэцкий канал. Гибралтарский пролив, который также относится к Ближнему и Среднему Востоку (с марокканской стороны) не является угрожаемой территорией в связи с близостью к Европе и наличием в районе Гибралтара значительных воинских контингентов.

Развитие на территории Магриба и Аравийского полуострова проектов альтернативной энергетики, которые также могут представлять интерес для террористических атак, для европейской экономики не является значимым фактором. Это же касается практически всех прочих направлений промышленности стран Ближнего и Среднего Востока.

Некоторую роль в мировой экономике играют промышленность и сельское хозяйство Турции и Ирана, туристический сектор Марокко, Египта и монархий Залива. Существенна роль транзитного транспортного узла мирового значения, которую выполняют Турция, Катар и ОАЭ. Инфраструктурные проекты Дубая и Абу-Даби важны для их подрядчиков. Монархии Залива играют роль мирового инвестора и крупного финансового центра. Но по всем этим направлениям страны Ближнего и Среднего Востока могут быть легко заменены.

Единственным исключением в регионе является Израиль с его высокими технологиями и военно-промышленным комплексом, однако эта страна в настоящее время представляет собой на Ближнем и Среднем Востоке хорошо вооруженный, укрепленный и готовый к любому развитию событий остров спокойствия, напоминая Швейцарию времен Второй мировой войны. Наличие в распоряжении Израиля значительных резервов природного газа на средиземноморском шельфе и сланцевой нефти в Негеве значительно повышает его значение для ЕС и США.

Практически все террористические группировки региона и большая часть правящих там режимов объявляют Израиль своим главным врагом. Однако воюют они между собой и, за исключением Ирана и его сателлитов, а также палестинцев, не предпринимают против еврейского государства заметной активности. Что касается руководства Палестинской национальной администрации и ее оппонентов из ХАМАС, декларирующих необходимость палестинского единства, то они ведут друг с другом жесткую борьбу. Противостояние Газы и Рамаллы тем более серьезно, что вопрос о создании палестинского государства для всех, кроме коспонсоров так называемого ближневосточного мирного урегулирования: ЕС, ООН, РФ и США, перешел из практической плоскости в область чисто теоретических построений.